

Афганская модель децентрализованных сетевых структур

Взгляд на динамику политических порядков в Афганистане

Мохаммад НЕССАР
Валентина КОМЛЕВА

В августе 2021 г. после 20-летнего военно-политического и экономического присутствия США и НАТО в Афганистане в очередной раз к власти пришли талибы. С одной стороны, речь идёт о повторяющихся циклах смены присутствия внешних сил, их моделей «нового общества» и нового политического порядка в Афганистане, а с другой – о повторяющихся циклах вытеснения внешнего присутствия внутренними силами, опирающимися на дружественных им акторов и радикальные сети как внутри страны, так и за рубежом. Поиск причин, тенденций и закономерностей этих процессов привёл к мысли о том, что часть критически значимых событий в Афганистане объясняется особенностями афганского общества и его структурой, которую можно охарактеризовать как децентрализованную сетевую структуру.

Исследование афганского общества с позиций сетевого подхода пока не стало предметом специального научного и практического интереса экспер-

НЕССАР Мохаммад Омар – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН. *SPIN-код:* 3043-3285, *E-mail:* nessar@yandex.ru

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по науке Национального исследовательского института развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества РАНХиГС при Президенте РФ. *SPIN-код:* 8056-7633, *E-mail:* komleva@nicrus.ru

Ключевые слова: Афганистан, политические сети, гражданские сети, социальные сети, пуштуны, талибы.

тов и учёных, за исключением исследований террористических сетей специальными аналитическими структурами*.

В большинстве фундаментальных работ** (в том числе В. Г. Коргуна, В. Я. Белокреницкого, Р. Р. Сикоева и др.) рассматриваются события в Афганистане с исторической и военно-политической точек зрения, а ряд отечественных исследователей (такие как Ю. В. Босин, Ю. В. Ганковский, В. Я. Белокреницкий, В. Н. Пластун, Ю. П. Лалетин и др.) в своих работах касались вопросов этноплеменной структуры афганского общества [Приложение 1].

Некоторые особенности афганского общества отражены и в работах одного из авторов данной статьи, О. Нессара [1].

Однако специального глубокого исследования особенностей афганского общества, оказывающих влияние на смену политических порядков, не было. Не было в российской науке и исследований, посвящённых трансформации традиционных сетей социального и политического влияния, формирования сетей новых акторов, например, НКО, гражданской журналистики, виртуальных сообществ. Недостаточно осмыслены динамика и роль этноплеменной структуры афганского общества в современных общественно-политических процессах Афганистана. Мало изучен Афганистан и как глоболокальное сообщество, включённое в глобальные сети взаимодействия. Поэтому исследование Афганистана с точки зрения его сетевой глоболокальности имеет большой потенциал для разработки научно обоснованных стратегий развития Афганистана и стратегий российско-афганских отношений. Выход за пределы устоявшейся традиции научного анализа Афганистана и применение сетевого подхода даёт новые возможности для понимания прошлого, анализа настоящего и прогнозирования будущего.

Методологическую основу данного исследования составили теории сетей [Приложение 2], разработки в области *Network science* [Приложение 3].

Кроме того, на методологическую позицию авторов оказали влияние работы В. А. Олескина, исследовавшего модели организации сетевых структур в разных биосистемах. Речь идёт о нескольких сетевых парадигмах, особенности и закономерности функционирования которых могут быть использованы (с некоторыми допущениями) при анализе сетевых общественных отношений в Афганистане. Среди предложенных В. А. Олескиным парадигм сетевых структур наиболее полезными для данного исследования стали нейронная и эгалитарная парадигма (менее значимыми оказались клеточная, модульная, эквипотенциальная, эусоциальная парадигмы) [2]. Не будем пересказывать в данной статье суть и возможности сетевого подхода (весьма комплексно и полноценно

¹ Нессар О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9.

² Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом социуме. Научная монография и учебное пособие для лицеев, колледжей и университетов. М.: URSS, 2012.

* Например, подобные исследования проводит RAND (Research and Development) – американская некоммерческая организация, стратегический исследовательский центр, работающий по заказам правительства США, вооружённых сил США и связанных с ними организаций (<https://www.rand.org/>).

** Источниковая база приведена в приложениях 1–3.

представленного в работе Л. В. Сморгунова, А. С. Шерстобитова [3]), отметим лишь, что в исследованиях общественно-политических процессов этот подход показывает высокий дескриптивный и объяснительный потенциал.

Данное исследование носит кросс-темпоральный характер (использован метод асинхронического сравнения роли и значения сетей в политических порядках Афганистана, сложившихся в разное историческое время), в частности, сравнивались следующие периоды:

- 1979–1992 г. – период внешнего контроля со стороны СССР и попыток внутренней советизации;
- 1992–1996 гг. – период гражданской войны;
- 1996–2001 гг. – период прихода к власти талибов, внутренней традиционализации общества;
- 2001–2021 гг. – период внешнего контроля со стороны США и внутренней либерализации;
- 2021–2022 гг. – период второго прихода к власти талибов, внутренней традиционализации общества.

На первом этапе исследования была проведена пилотная апробация сетевого подхода к анализу общественно-политических процессов в Афганистане. Результаты показали, что мы имеем дело не просто с политическими и общественными сетями, а с весьма своеобразной децентрализованной сетевой структурой афганского общества, понимание которой даёт ключ к раскрытию причин ряда процессов и событий, смены политических порядков и возможность их прогнозирования.

На втором этапе исследования был проведён детальный анализ структурных и содержательных характеристик сетей и выявлены временные и константные сети, определён их социальный капитал. Афганское общество структурировано сетевым образом и даже внешние политические силы, приходя в Афганистан, пытались создать свои общественные сети и нарастить их социальный капитал (например, США создавали сети НКО, которые предположительно могли заменить традиционные сети этнических групп, кланов, религиозные сети).

В исследовании внимание акцентируется на гражданских сетях афганского общества.

Интерпретация понятия «сеть»

Наиболее распространённой является трактовка сети как системы из узлов, соединённых связями (рёбрами), и способа структурирования социальных влияний в общественном пространстве.

Т. А. Подшибякина, говоря о сетевом динамическом моделировании, определяет сеть как «набор акторов (представленных в виде вершин, узлов или узлов в графе) и отношений между ними (представ-

³ Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014.

ленных рёбрами, дугами или связями» [4].

Обобщение многочисленных определений социальных сетей дано Л. В. Сморгунным, который в итоге определяет сеть как «добровольные, неиерархичные, независимые от государства, самоопределяющиеся образования, которые могут возникать в различных сферах общества» [5]. Авторы придерживаются именно этой трактовки.

Узлами сети являются социальные акторы (как правило, групповые, но могут быть и индивидуальные), а сама сеть представляет собой связи между узлами (социальные взаимодействия) для обмена ресурсами. Социальные акторы группируются в сетях на основе сходства занимаемых позиций, связей и по типу ресурсов, циркулирующих между данными позициями.

В науке существует и более узкое понятие сети как структуры, «в которой отсутствует единый центр (лидер, доминант)», и поведение сети является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых может быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему» [6]. Сторонники узкой трактовки сети (В. А. Олескин) противопоставляют «сетевую структуру» (1) иерархическим (вертикальным, субординационным) структурам с едином центром активности и (2) (квази)рыночным (конкурентно-контрактным, индивидуалистическим) структурам, где конкуренция

элементов преобладает над кооперацией между ними.

Анализ ситуации в Афганистане подтверждает мысль А. В. Олескина о том, что кооперация между членами сети стимулируется (1) наличием объединяющих сеть целей, норм и установок, которые укрепляют чувство принадлежности к сети, формируют сетевую идентичность, и (2) сознательными усилиями модераторов (лидеров) в сетевых структурах [6].

Например, террористические сети не имеют централизованной иерархической структуры, они включают влиятельных и потенциально устранимых частичных лидеров («хабов»).

Что же объединяет участников сети, если у них нет центрального лидерского звена?

Консолидации сети способствует её матрикс.

Матрикс сети – это базис, комплекс консолидирующих идеологических установок, ценностей, норм поведения, ритуалов, обычаев, символов, отличительных признаков (форма одежды и др.), неявного знания (например, технологий взаимного контроля, производства информации и др.).

Матрикс характерен как для спонтанно возникающих сетей, так и для целенаправленно созданных под какую-либо задачу (например, продвижение кандидата на выборах).

По мнению А. В. Олескина, в сетях, где отношения доминирования-подчинения оттеснены эгалитарными, кооперативными отноше-

⁴ Подшибякина Т. А. Диффузионные политические сети: динамические аспекты сетевой теории и практики // Политическая наука. 2021. № 4. С. 120.

⁵ Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 104.

⁶ libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru

ниями, матрикс может вести себя как безликий квази-доминант, регулирующий поведение и отношения членов сети и запускающий совместный и взаимный контроль участников сети за деятельностью сетей и совместное владение и (или) обмен ресурсами [2, с. 61–70]. Усиливают кооперацию сети своиственные для них отношения доверия, они уменьшают транзакционные издержки на контроль, так как «в силу формируемого в рамках сетей доверия можно отказаться от формальных и неформальных страховок поведения партнёра» [7]. Как следствие, формируется особый тип схожего и самоконтролируемого социального поведения участников сети. Поэтому социальные сети обладают определённым социальным капиталом, так как в основе взаимодействия их участников лежат доверие, общие интересы, взаимная поддержка, симпатии, предпочтения, потребности и дела.

Социальные сети формируются благодаря коммуникации.

Сетевая коммуникация в константных сетях отличается от коммуникации во временных сетях и ситуативных альянсах прежде всего многоканальностью, высокой плотностью логистики распространения

информации и плотностью коммуникации.

Анализируя коммуникации в константных сетях Афганистана, можно заметить субъектов, которых называют «субъектами свободного волеизъявления и действия» [8]. Это сетевые узлы, способные накапливать, обрабатывать и распространять большое количество информации по сети.

Социальные сети отличаются от простых структур [3]. Для исследования были сформулированы признаки, по которым та или иная структура относится к сети:

- кооперация (не рыночная конкуренция и не властная иерархия);
- сетевая идентичность, основанная на каком-либо признаке или нескольких признаках, формирующих чувство «мы» и позволяющих проводить разграничение «мы» и «они», чувствовать принадлежность «к своим»;
- общие интересы участников сети, по которым она собирается;
- доверие, лежащее в основе сетевых отношений;
- сплочённость;
- многоканальность информационного обмена и плотность каналов информации и коммуникации.

Исходя из этого можно описать сетевой ландшафт Афганистана.

Типология и структура сетей Афганистана

В известных исследованиях термин «сеть» применяется при анализе террористических и некоторых рели-

гиозных структур афганского общества. Этнические, политические, гражданские, социальные и иные

⁷ Барсукова С. Ю. Традиции изучения сетевого обмена дарами, 2008 // URL: <http://www.mirrorssii.ru/db/msg/182574.html>

⁸ Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 63.

структуры, организованные по сетевому принципу и имеющие все признаки сетей, рассматриваются как группы и организации. Для их анализа, как правило, применяется институциональный подход. Однако афганское общество представляет собой систему пересекающихся сетей и узлов, среди которых базисную роль играют гражданские (неполитические и неэкономические сети), политические сети, религиозные и террористические сети. Среди гражданских сетей наибольшее влияние имеют традиционные этнические, племенные и клановые сети.

В последние годы выросла роль медиасетей, сетей НКО, сетей гражданской журналистики (блогеры и др.), но пока эти новые сети не играют такой значимой роли в смене политических порядков, как традиционные сети.

Все сети гражданского общества были разделены на виды и уровни.

Было выделено 10 видов сетей:

- гражданские (НКО, общественные движения);
- религиозные;
- этнические;
- племенные;
- клановые;
- медиасети;
- политические;
- структуры обеспечения безопасности (в том числе военные);
- террористические;
- наркосети.

Каждый вид сети анализировался на трёх уровнях:

- национальный (сетевые узлы и участники сети в границах Афганистана);

- региональный (сетевые узлы и участники в границах Афганистана, пяти постсоветских стран Центральной Азии, Пакистана и Ирана);

- международный (распространения за пределами региона и наличие сетевых узлов в других странах, в том числе и за пределами континента).

Например, среди гражданских сетей НКО на международном уровне представлены *Global Rights (GR)*, *Institute For War and Peace Reporting*, на национальном *Support Children and Afghan Women Needs ORG*, *Afghanistan Women and Children Partners*.

На региональном уровне достоверных данных об некоммерческих организациях в открытых источниках не найдено.

Среди племенных сетей на страновом уровне действуют, например, сети дуррани и гильзай, а примерами клановых сетей на национальном уровне могут быть панджшерцы и аймакцы.

На международном уровне представлены клановые сети, в частности, таджикские диаспоральные узлы (памирцы, гератцы), такие же узлы есть и на региональном уровне (в Таджикистане).

Среди террористических сетей отметить международную сеть «Аль-Каида»*, региональные сети – это Пакистанское крыло талибов и Исламское движение Узбекистана*, на страновом уровне – сеть «Хаккани»* (запрещенная в России организация) и «ИГИЛ-Хорасан»*.

Политические сети (партийные, правительственные) и сети безопасности действуют на страновом уровне. Однако имеют тесные связи с

* Террористические организации, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

политическими сетями в регионе и на международном уровне.

Примеры указанных сетей далеко не исчерпывают всего имеющегося их многообразия, но фиксируют их распределение по специализации (причём часть сетей может быть мультиспециализированной) по уровням распространения.

Основная цель исследования – выявление связей сетей и динамики политических порядков. С этих позиций были сгруппированы сети по пролонгированности их влияния на общественно-политическую жизнь Афганистана и были определены константные и временные сети*, которые, как показала практика, могут создавать ситуативные альянсы для решения какой-то общей ситуативной задачи.

Например, на протяжении последних 20 лет традиционно перед каждыми выборами формировались политические блоки («Право и справедливость», «Коалиция Национального фронта Афганистана», «Национальная коалиция» и т. д.), в которые входили политики – представители разных этнических сетей. Подобные альянсы после выборов всегда распадались.

С точки зрения теории вопроса возникновение альянсов сетей под-

тверждает характерную для них закономерность – стремление сетей к кооперации, во время которой может формироваться *новая идентичность, обуславливающая кооперативные, а не враждебные отношения между собой.*

В отношении этнических, племенных, клановых, религиозных сетей Афганистана эта гипотеза не подтверждается. Такие кооперации шли по «контрактному сценарию» (термин А. В. Олескина и В. С. Курдюмова [9]), а именно: сетевые структуры временно объединялись вокруг какой-то задачи (проблемы), не теряя при этом своего структурно-организационного суверенитета.

Примером может служить межэтническое и межплеменное укрепление внутри талибов во время их вооружённой борьбы против иностранцев, когда их объединяла общая цель – борьба против общего противника вместе с недовольством правящим режимом**.

Другими словами, «Талибан»*** периодически объединял разные сети, не став монолитным движением с этнической, религиозной и племенной точек зрения: туда вошли таджики и узбеки с севера (пример

⁹ Олескин А. В., Курдюмов В. С. Мерцети и сетевая идеология // URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202106/3fdd5e40bec1ddad07e7894185aea32e.pdf>

* Под временными сетями понимаются сети, деятельность которых длится в течение действия одного политического порядка. При смене порядка эти сети полностью (или почти полностью) прекращают свою деятельность и теряют своё общественное и политическое влияние. Например, партийные сети – это временные сети, так как ни одна партия Афганистана не смогла продержаться при всех порядках или хотя бы при трёх последних (и НДПА, и исламистские партии пережили не более одного политического порядка). Константные сети – это устойчивые, постоянные сети, деятельность и влияние которых сохраняется вне зависимости от политических порядков и приходящих к власти политических сил.

** Присоединяющиеся к талибам таджики и узбеки могли не разделять их главную цель, иметь другой сетевой матрикс, но могли быть недовольными правящим режимом или своими лидерами.

*** Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

этнических децентрализованных сетей консолидации); есть сведения о вхождении в ряды талибов салафитов (пример религиозной сетевой консолидации). Такая децентрализованная сеть движения талибов повышала эффективность деятельности движения в годы вооружённой борьбы и, пожалуй, стало одним из главных факторов его успехов. Благодаря межэтнической и религиозной консолидации талибы резко расширили подконтрольную им зону, активизируя свою деятельность на севере страны, используя ресурсы и социальный капитал присоединившихся сетей. Однако теперь, когда «Талибан» находится на грани превращения из террористической сети в политическую, запускаются сложные, но вероятно закономерные внутренние процессы, направленные на усиление централизации и иерархизации.

Поэтому высока вероятность того, что эти попытки не увенчаются успехом, потому что характерная для афганского общества децентрализация сетей с присущей им неие-

рархичностью вернётся к своему исходному состоянию, как это было в предыдущие периоды. Раскол между сетью «Хаккани», состоящей в основном из представителей племени гильзай и представителей племени дуррани, свидетельствует об усилении межплеменного противоречия. Недовольство талибов-узбеков [10] и талибов-таджиков [11] можно трактовать как усиление межэтнического противоречия внутри движения. Это даёт основание полагать, что децентрализованная сетевая модель характерна и для террористических сетей*, которая оказывается успешной в борьбе с политическими институтами – с действующими иерархиями и политическим порядком. Однако она не способна стать основой устойчивости политической системы и нового политического порядка.

Устойчивую основу сетевого общества Афганистана составляют константные социальные сети, представленные этническими, племенными, клановыми, религиозными структурами (рис. 1).

¹⁰ Detained Islamic Emirate Commander Brought to Kabul // ToloNews. 2022. 16 January // URL: <https://tolonews.com/afghanistan-176332>

¹¹ Недовольство местных командиров Талибан в Панджшере // URL: <https://afghanistan.ru/doc/147214.html>

* По данным Исследовательской службы конгресса США (август 2021 г.) (<https://sgp.fas.org/crs/row/IF10604.pdf>), на территории Афганистана действовали по меньшей мере семь террористических организаций («Аль-Каида», ячейка «Аль-Каиды» на Индийском субконтиненте, «ИГИЛ-Хорасан», сеть «Хаккани», ИДУ, Пакистанское крыло талибов, ИДВТ). После захвата власти (август 2021 г.) количество террористических организаций формально уменьшилось, так как сеть «Хаккани» и Пакистанское крыло талибов можно отнести к фракциям движения «Талибан», захватившего власть. Но они остаются самостоятельными узлами террористической сети. Структурные расчёты террористических сетей на международном уровне затруднены, потому что разные страны по-разному оценивают террористов. В США движение «Талибан» не считается террористической организацией, а сеть «Хаккани» считается отдельной организацией, признанной террористической. Однако само движение «Талибан» считает сеть «Хаккани» частью своей сети и в качестве доказательства указывает на присутствие лидеров «Хаккани» в руководстве «Талибана». В России сеть «Хаккани» считается отдельной организацией, а Пакистанское крыло талибов чаще всего рассматривают как союзника «Талибана».

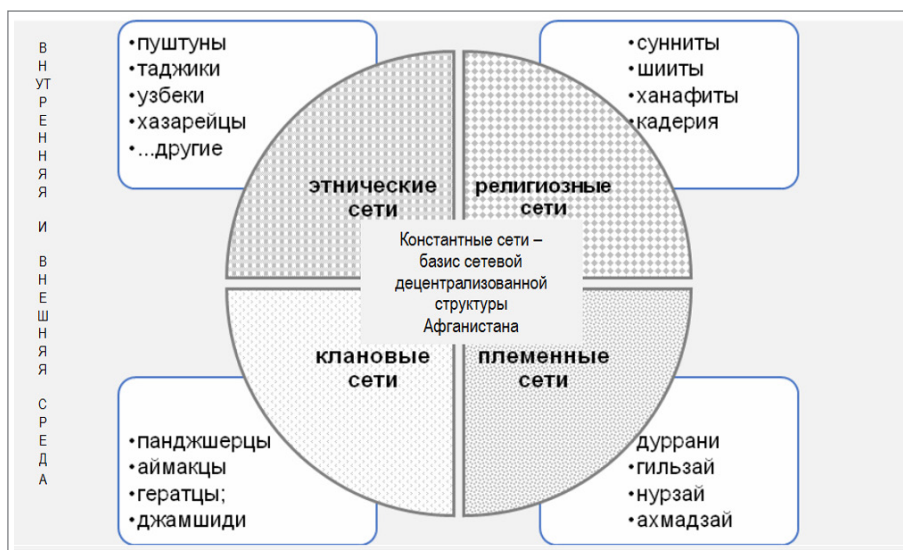

Рис. 1. Константные сети, воспроизводящиеся во всех политических порядках в разные исторические периоды – базис сетевой модели афганского общества

Структура константных сетей сложная, так как каждая имеет сетевые узлы на первичном уровне, институционально не соединённые каким-то узлом более высокого порядка.

Так, племя может иметь несколько уровней племенных групп, и понять сетевые взаимодействия можно, если дойти до первичных сетевых узлов.

Сетевые узлы в племенных сетях, образующиеся на уровне первичных племенных групп, представляют собой сложную систему не только кооперационных, но и соперничающих отношений.

На рис. 2 представлена часть племени дуррани (в частности, племена группы зирак и панджпай).

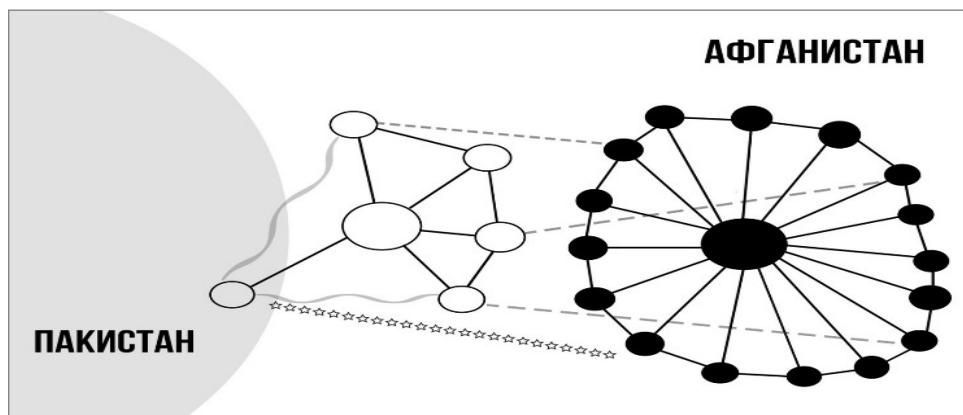

Рис. 2. Сетевые отношения между племенными группами (на примере части племенной сети дуррани)

Слева группа зирак (ачказай – в Пакистане, алькозай, муссазай, баракзай, попальзай – в Афганистане) и справа группа панджпай (всего 18 подгрупп – нурзай, ализай, адузай, исхакзай, хатиани и др.).

Прямая сплошная линия показывает, что между племенными группами могут быть устойчивые кооперационные связи. И таких большинство.

Линия «волна» указывает на неустойчивые связи.

Линия «звездочки» – это конфликтующие взаимосвязи, сопровождающиеся периодическими военными столкновениями (в частности, между племенными группами ачказай и нурзай).

Линии «пунктир» означают, что на практике наблюдаются соперничающие отношения между племенными группами, но это соперничество не зафиксировано ни документально, ни в новостных материалах, ни в научных источниках.

Этот пример свидетельствует, насколько сложными являются сетевые отношения между отдельными узлами константных сетей.

В разные исторические периоды всевозможные политические силы пытались как опираться на эти сети, так и выстраивать альтернативную модель с временными сетями. Однако временные сети (в виде НКО, движений, партий и др.) не могли составить длительную значимую конкуренцию константным сетям в части влияния на общество и роль в изменении политического порядка. Константные сети сами вносили свой «порядок» (нормы и правила общественных отношений) в каждый новый политический порядок.

Попытки формирования новых гражданских сетей в Афганистане

С целью вытеснения и снижения политического влияния константных сетей силы новых политических порядков (не отрицая роли константных сетей и даже иногда вступая с ними в альянсы) всё же пытались формировать свои гражданские сети, на которые планировали опираться и которые должны были составить основу «нового общества» Афганистана.

Сравнение разных исторических периодов показывает, что США, наряду с опорой на внутренние политические сети (правительство, парламент) и такие временные сети, как сети обеспечения безопасности (армия и полиция, которые после ухода американцев пали), сети пропаганды, сети социализации (образование, воспитание), создавали свои

сети пропаганды, сети СМИ и новых медиа, экономические сети (предпринимательские), сети гражданской коммуникации и др.

Пожалуй, одним из главных успехов Афганистана за годы присутствия США в стране можно считать развитие СМИ.

По количеству независимых изданий страна занимала одно из ведущих мест в регионе. Значительная часть крупных национальных СМИ была создана и существовала на средства иностранных государств, основная часть – при поддержке США.

Страны региона также предпринимали попытку оказать влияние на политические процессы через средства массовой информации, создавая лояльные им СМИ, однако по уровню влияния они уступали прозападным, которые обладали большей свободой работы и в меньшей степени зависели от

местных политиков, что делало их более привлекательными.

В силу определённых факторов, в частности распространения английского языка среди афганской элиты, западные СМИ, особенно американские, имели особое влияние на политический класс.

По некоторым данным, рабочий день президентов (Хамида Карзая и Ашрафа Гани) обычно начинался с чтения американских газет. Кроме того, местные СМИ (в основном созданные американцами) в обязательном порядке транслировали публикации западных СМИ.

Так, местное телевидение (в городах) и радиостанции (в сёлах) фактически были ретрансляторами западного контента среди местного населения, не владеющего английским языком.

Кроме того, США создавали свои сети в виде НКО. После свержения режима талибов (90-е годы) в стране действовало большое количество НКО, и их влияние в определённые периоды было настолько велико, что афганские чиновники называли их «параллельным правительством» [12].

Основными направлениями работы НКО были:

- образование;
- медицина;
- права человека;
- гендерные вопросы;
- развитие новых медиа;
- культурные программы;
- развитие предпринимательства

и бизнес-инициативы и др.

НКО оказывали большое давление на правительство, поэтому в разные периоды (особенно при Карзаяе) афганские власти предпринимали попытки контролировать их деятельность, изменяя законодательство, но эти попытки не давали ожидаемого результата.

Количество НКО в Афганистане стало уменьшаться, когда начался вывод войск НАТО из страны (2014 г.) и сокращения их финансирования. Вероятно, после захвата власти талибами количество НКО достигло минимального уровня после 2001 г. Однако пока рано говорить о полном прекращении деятельности НКО. Активная деятельность ряда СМИ, новых медиа, активистов гражданского общества (в том числе женские организации) и др. свидетельствует о том, что НКО до сих пор пользуются поддержкой извне и оказывают определённое влияние на обстановку.

Советское присутствие в большей степени трансформировало и укрепляло имеющуюся политическую партийную сеть, опираясь на единственную правящую партию – Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА). Но СССР создавал и новые сети. В первую очередь сети социализации (через школы и иные образовательные и просветительские учреждения) и сети обеспечения безопасности (которые оказались временными, действующими только на период влияния СССР).

Талибы опирались главным образом на такие константные сети, как этнические и религиозные, в том числе зарубежные. Понимая значимость информации и коммуникации, талибы начали формирование своей сети информирования общества.

Так, талибам, имевшим только одного пресс-секретаря (Забилулла Муджахед), приходится наращивать количество пресс-служб и пресс-секретарей, чтобы реагировать на запросы обще-

¹² https://www.bbc.com/persian/afghanistan/2010/02/100208_k02-afg-acbar-aid-figures

ства и одновременно контролировать содержание информации и каналы информирования.

В настоящее время талибы назначили пресс-секретарей почти во всех министерствах. В условиях, когда 60% афганских журналистов потеряли свою работу [13], профессиональный потенциал афганских СМИ невысок. К тому же талибы установили контроль над крупными СМИ, которые продолжают работать.

Таким образом, информационный контент стал подконтрольным, однообразным. Доверие к официальным средствам массовой информации и их влияние на общество снизилось.

На этом фоне растёт значение «новых медиа», разных интерактивных электронных изданий) – соцсетей, блогеров*, групп в мессенджерах, гражданских журналистов и т. п. В этом не последнюю роль сыграли СМИ**, которые обычно транслировали получившие резонанс посты в соцсетях.

Интересно, что и сами талибы вынуждены использовать ресурсы и возможности новых медиа, чтобы доводить до граждан свои решения и реакции. Им часто приходится реагировать на получившие резонанс сообщения соцсетей.

Примерами могут служить случаи, когда талибы вынуждены были освобождать задержанных активистов гражданского общества и журналистов после того, когда сообщения об их аресте вызывали осуждения пользователей социальных сетей.

Сами талибы, которые ещё до прихода к власти активно пользовались соцсетями, продолжают делать это и сейчас.

Практически все политические порядки в разные исторические периоды опирались на партийные сети. Но сегодняшние партийные сети Афганистана (в основном состоящие из числа заявивших о себе во времена советского военного присутствия в Афганистане моджахедских партий и их последователей) в целом опираются на этнические, племенные, клановые и религиозные сети.

Например, Исламское общество Афганистана (таджикская), Исламская партия Афганистана (пуштунская), Национальное исламское движение Афганистана (узбекская), Исламский союз за освобождение Афганистана (пуштуно-таджикская), Партия исламского единства Афганистана (шиитская).

Все указанные партии до захвата власти талибами были представле-

¹³ Since the Taliban takeover, 40% of Afghan media have closed, 80% of women journalists have lost their jobs // RSF. 2021. 20 December. 12 // URL: <https://rsf.org/en/news/taliban-takeover-40-afghan-media-have-closed-80-women-journalists-have-lost-their-jobs>

* Одной из самых популярных социальных сетей среди афганцев является FaceBook. В этой социальной сети имеют свои личные страницы почти все политики, деятели культуры и т. д. Пресс-службы официальных структур пользуются Twitter – он же популярен, и им активно пользуются талибы. YouTube активно пользуются видеоблогеры (независимые каналы), после популяризации этой сети её активно стали осваивать традиционные СМИ (особенно телеканалы).

** Крупнейшими телеканалами являются Tolo, Ariana, 1TV, ShamshadTV, RTA. Информационные агентства – Pajhwok, BNA, KhaamaPress и др. Газеты – 8AM, Etelaatiroz и др. Из числа иностранных СМИ традиционно среди афганцев популярен BBC, «Голос Америки» (признан в России иноагентом). После захвата власти талибами растёт влияние вещающего из Лондона телеканала Afghanistan International, предназначенного в основном для проживающих за пределами страны выходцев из Афганистана.

ны во власти (главным образом через национальный парламент и провинциальные советы), однако после 15 августа 2021 г. большинство партий оказалось не у дел. Стоит отметить, что с этнической точки зрения находящееся у власти движение «Талибан» можно считать политической партией, представляющей пуштунский этнос.

Начиная с 2001 г., со свержения режима талибов (90-е годы), до повторного захвата власти талибами (2021 г.) влиятельными партиями считались те, которые возникли во время военного пребывания ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане – так называемый «корпус моджахедов». Проамериканские администрации (Карзай, Гани) так и не смогли (или не захотели) создать партии, пользующиеся поддержкой населения. Впрочем, большинство легальных партий сотрудничало с властями и фактически являлось посредниками между своими сторонниками (населением) и властью. После захвата власти талибами (2021 г.) влияние партий на политический процесс резко снизилось. Большая часть ли-

деров партий оказалась за пределами страны, талибы фактически стали монополистами на политической сцене.

По сути, все новые сети, появляющиеся с каждым новым политическим порядком, являются временными (спонтанно возникающими в новой реальности или же были сформированы заинтересованными акторами). Эти сети существовали определённый период и затем исчезали вместе с уходящими политическими силами.

К таким сетям можно отнести:

- часть внутренних и внешних гражданских сетей (НКО);
- сети пропаганды (СМИ, новые медиа);
- военные сети (армия, полиция) и др.

Но несмотря на то что эти сети относятся к группе временных сетей, они оставили свой след в афганском обществе даже после своего ослабления или ликвидации.

В перспективе будет интересно наблюдать за сетями НКО и новых медиа, большая часть которых сейчас потеряла внешнее финансирование.

Гражданское общество: афганский вариант

На фоне устоявшейся оценки Афганистана, возможно, наше утверждение будет парадоксальным, но сравнительный анализ разных этапов смены власти в Афганистане приводит к мысли о сложившейся весьма своеобразной, с определёнными ограничениями принципов меритократии, прав отдельных групп населения, но всё же самовоспроизводящейся модели граждан-

ского общества, основанной на сетевых децентрализованных структурах.

Если рассматривать гражданское общество как совокупность общественных отношений вне границ властно-государственных и коммерческих структур, как сферу самопроявления граждан и добровольных ассоциаций, свободных от прямого государственного вмешательства, то

этнические, клановые, племенные и религиозные сети Афганистана могут быть рассмотрены как структуры гражданского общества наравне с сетями НКО и медиасетями.

Несомненно, в современной трактовке гражданское общество рассматривается в рамках демократического и предполагает наличие демократических прав и свобод граждан, что по отношению к Афганистану может быть поставлено под сомнение. Однако если «очистить» общественную модель от того или иного политического режима, то получается *специфическая сетевая децентрализованная структура гражданского общества Афганистана*, состоящая из сетей гражданских акторов.

Понятно, что в гражданском обществе формирование власти происходит демократическим (чаще выборным) путём за счёт представительства интересов разных групп граждан. В Афганистане эта модель имеет определённые ограничения, связанные со сложившейся практикой отношений между разными сетями и сетевыми узлами.

Так, выборы в Афганистане всегда сопровождалась внутренними политическими кризисами. За последние два десятилетия страна пережила четыре президентские избирательные кампании и три тура парламентских выборов. Во время каждого из этих электоральных циклов проигравшие кандидаты отказывались признавать результаты и обвиняли избирательные комиссии

в предвзятости и махинациях при подсчёте голосов. Одна из причин этого кроется в этноплеменной электоральной культуре афганского общества. Дело в том, что у жителей юга и востока страны (населённых преимущественно пуштунами) более низкий уровень явки и «избирательной дисциплины», чем у жителей центральной части и севера Афганистана, населённых таджиками, узбеками и хазарейцами. Большая часть пуштунов, как наиболее близкая к афганскому традиционализму группа, негативно относится к самому институту выборов и поэтому часто игнорирует их [14]. В то же время другие этнические группы показывают высокую явку и дисциплину, тем самым определяя результаты выборов даже на населённых пуштунами юге и востоке.

В этих условиях, когда избиратели голосуют в основном по этническому признаку, сложно представить себе принятие результатов выборов югом и востоком. Пуштуны почти всегда сомневаются в легитимности выборов. Как следствие, кризис легитимности приводил к системному политическому кризису, усиливающемуся от выборов к выборам. Этот кризис актуализировал в обществе дискуссию о необходимости реформы административно-государственного устройства страны [15].

Исторически в Афганистане сформировалось негласное правило, согласно которому политическая власть должна быть у пуштунов. Из-

¹⁴ Нессар О. Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.). М.: ИВ РАН, 2017. С. 140.

¹⁵ Абдул Латиф Педрам: Афганистан должен стать федеративным государством // Афганистан.Ру. 2017. 1 мая // URL: <https://afghanistan.ru/doc/109715.html>

вестны случаи, когда на местных выборах побеждали представители других этнических групп, но результаты выборов были отменены, в итоге депутаты предыдущего созыва продолжали свою работу в парламенте*. Негласное правило пуштунизации власти, вероятно, вынуждены были соблюдать и США. То, что силы США в Афганистане в 2001 г., после свержения режима талибов, поддерживали кандидатуру до этого мало кому известного Х. Карзая из пуштунского племени дуррани на должность главы Афганистана, даёт основание полагать, что США учитывали (помимо других факторов) сложившееся негласное правило о привилегированном положении пуштунов в афганской политической жизни.

Пуштуны действительно имели привилегированное положение, и другие народности с этим мирились. Однако в истории Афганистана был период, когда ситуация менялась. Это период советского влияния. Переломным моментом в участии национальных меньшинств (например, хазарейцы, узбеки) в политической жизни можно считать приход

к власти в 1978 г. НДПА. Затем во время гражданской войны 90-х годов непуштунские этнические группы активно продемонстрировали способность отстаивать свои интересы, но уже вооружённым путём [1]. Социальный и политический капитал сетей стал нарастать, а вместе с этим изменялась и практика формирования власти. Гражданские силы в лице этнических сетей временно объединялись для противостояния пуштунизации власти.

Политику США в этноплеменном контексте можно расценивать как модель мягкой пуштунизации по сравнению с талибским правлением (90-е годы). Вероятно, Вашингтон пытался создавать иллюзию раздела власти между этносами: согласно Конституции 2004 г. у главы государства появились два вице-президента. Эти должности занимали представители непуштунских этносов (хотя в конституции этот принцип не был зафиксирован). Однако в реальности вся власть была сконцентрирована в руках главы государства (пуштуна) и должности вице-президентов были номинальными.

Специфика Афганистана как общества децентрализованных распределённых сетевых структур

Активные сетевые децентрализованные распределённые** структуры оказывают влияние на полити-

ческие процессы в Афганистане. Речь идёт об особом типе структурирования социальных связей, имею-

* В 2010 г. по итогам парламентских выборов все депутатские места от провинции Газни в нижней палате парламента (Волуси Джирга) заняли хазарейцы (<https://www.bbc.com/persian/afghanistan-55696044>).

** Распределение может быть территориальным, этническим, языковым, по степени контроля над отдельными группами населения и др.

щих неслучайный и самовоспроизводящийся характер. В Афганистане можно говорить о некоем паттерне связей и отношений, проявляющихся в реальных практиках в каждом новом политическом порядке и носящем не хаотичный, а регулярный и самоподдерживающийся характер.

Сетевые децентрализованные распределённые структуры основаны на «сложных, многоплановых, устойчивых отношениях, в которых преобладают горизонтальные формы обмена» [16], которые не имеют единого центра управления и не являются иерархиями. По своей сути они противостоят иерархиям. В частности, в Афганистане они могут ставить под сомнение доминирующую роль государственных институтов, норм политического порядка и рассматривать государство как одного из акторов политических решений, но не как доминирующего и недетерминирующего актора. История Афганистана даёт примеры восстаний племенных сетей, когда власть опиралась лишь на одно племя, проводила несправедливую (с точки зрения отдельных племён) финансовую политику и агрессивный курс по отношению к какой-то группе населения.

Ещё в период правления Ахмад Шаха в XVII в. недовольные пуштунские племена неоднократно поднимали восстания. Репрессивные меры власти в отношении племён и этносов становились причиной восстаний и в более поздние периоды: вос-

стание хазарейцев (1893 г.), восстание таджиков под руководством Хабибуллы Калакани (1928 г.), который на короткий период захватил власть [17].

В афганской модели децентрализованных сетевых структур государственные ресурсы рассматриваются сетями как возможные для использования в реализации своих интересов, и в конце концов сети заставляют государство обмениваться этими ресурсами с ними или захватывают само государство. Можно предположить, что распределение внешней помощи государственными институтами Афганистана является одним из рычагов удержания контроля над сетями и попыток их централизации. При отсутствии у власти ценных для афганского общества материальных ресурсов (как правило, это происходит вместе с прекращением внешней помощи), власть теряет возможность контроля сетей, что усиливает децентрализацию сетевых структур. Этим обстоятельством отчасти можно объяснить усилившиеся сепаратистские настроения в афганской элите и кризис легитимности власти (рост центробежных тенденций уже наблюдался после сокращения внешней финансовой помощи в 1989 и 2014 гг. [18]).

На каждом новом этапе перехода власти в Афганистане от одних политических сил к другим при формировании нового политического порядка политическая элита стремится восстановить традиционные иерархии и централизовать обще-

¹⁶ Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/seti-i-hozyaystvennaya-zhizn/viewer>

¹⁷ История Афганистана / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. С. 135.

¹⁸ Нессар О. Правительство национального единства в Афганистане // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 3.

ственные и политические сети под своим контролем. И каждый раз строящиеся иерархии разрушаются под влиянием силы децентрализованных сетевых структур, воспроизводящихся вне зависимости от действующих властных политических сил. Эти процессы частично могут быть объяснены с точки зрения глубинного понимания сущности общества децентрализованных сетевых структур и некоторых закономерностей в науке о сетях.

Во-первых, сетевые децентрализованные структуры обладают большим креативным и инновационным потенциалом при решении разного рода общественных задач [19], они более адаптивны к изменяющейся иерархии.

Во-вторых, причины могут быть в потенциально деструктивных свойствах децентрализованных сетевых структур, а именно:

- сети могут не признавать границ системы, активно контактировать с внесистемными элементами;
- сетевые структуры (даже благонамеренные по своим целям) расходуют непропорционально большие объёмы ресурсов;
- сетевые структуры не подчиняются ритмам иерархий и потенциально угрожают подорвать эти ритмы;
- сетевые структуры перехватывают у иерархических структур контрольные и регуляторные функции [20].

В-третьих, глубинной причиной дестабилизирующих действий де-

централизованных сетей может быть наличие в сетях негативного социального капитала наряду с позитивным (о котором писал П. Бурдьё).

Социальный капитал – это нематериальные активы сетей, появившиеся как результат синергии отношений доверия (социальные акторы стремятся к сетевому взаимодействию в поисках идентичности и доверия) и лояльности между участниками, на основе которых возникает чувство принадлежности к своим, психология общинности, рефлекс следования за своими.

Доверие является ключевым, цементирующим фактором сетей, на основе которого возникает кооперация участников сетевых отношений. В зависимости от ситуации эти ресурсы сетей могут превратиться в негативный социальный капитал, что предполагает дестабилизирующее, дезинтегрирующее воздействие сетей на уровне общества и государства.

В-четвёртых, сети не признают границ в целом и границ взаимодействующих с ними иерархий в частности. «Иерархия политической системы какого-либо государства следит за его территориальной целостностью. При этом к охраняемой территории, естественно, принадлежит не только географическое пространство, но и, например, всякого рода собственность политической иерархии, конфиденциальная информация, коммерческие секреты, государственные тайны. Однако сетевые структуры часто не обращают столь существенного внимания на границы охраняемой территории и строят мосты через них, чтобы активно общаться с ин-

¹⁹ Олескин А. В. Сетевое общество и сетевые парадигмы в биосистемах. О сетевом социализме // URL: libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru

²⁰ Олескин А. В. Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации // URL: <http://biopolitika.ru/publ/2-1-0-46>

тересующими их индивидами и группами по другую сторону границ» [9].

Следовательно, сети активно коммуницируют с внешними акторами, создавая более широкие пространства взаимодействия, чем государства. Трансграничные коммуникации сетей характерны не только для виртуальных, но и для реальных сетей.

Таковыми сетями в Афганистане являются, например, этнические сети с диаспоральными узлами в разных странах. Потенциал этих сетей используется для интернационализации локальных конфликтов, подготовки сетей сопротивления, распространения идей и ценностей в интересах внешних акторов и др.

Нередко это может не совпадать с интересами действующей политической элиты, и тогда сети попадают под жёсткий контроль государственных регуляторов, что имеет

мало шансов на длительный успех в Афганистане, так как сети живут по законам, отличным от иерархий.

Примером недавних попыток запретить деятельность ряда сетей, интересы которых не совпадают с интересами властных политических сил Афганистана, являются правозащитные женские организации. Они поддерживают свою активность, несмотря на запреты и при поддержке «международной общности».

Как следствие, можно говорить о наличии конфликтного потенциала сетей наряду с их антиконфликтным потенциалом. Источником конфликта являются противоречия в интересах или целях их достижения с другими сетями или институтами общества, в том числе и политическими. Особый случай – межсетевые конфликты, приводящие к гражданской войне, что было и в Афганистане.

Анализ процессов, происходящих в Афганистане в течение нескольких десятилетий, позволяет предположить, что существуют константные структуры и причины, воспроизводящиеся в каждом новом случае (при каждой новой власти), которые приводят к крушению действующего политического порядка и формированию нового. Эти структуры и причины представляют собой открытые и латентные, константные и временные сети и их социальный и политический капитал.

Сетевые децентрализованные структуры Афганистана составляют базис гражданского общества, которое взаимодействует с иерархическими властными структурами, содействуя или препятствуя реализации ими своих задач. Сетевые структуры страны способны к результативному противостоянию властным иерархиям и дестабилизации ситуации, соревнуясь с ними.

Сетевые децентрализованные структуры, по сути, отрицающие иерархии, периодически используют свои ресурсы и социальный капитал для борьбы с иерархиями, в частности, с государственной властью (по природе своей иерархичной). Децентрализованные сети оказываются более успешными в установлении и смене политических порядков, чем централизованные иерархические структуры. Парадокс в том, что, объединяясь с целью свержения очередной власти, приходя к власти и устанавливая новый политиче-

ский порядок, в межсетевом взаимодействии снова запускается процесс децентрализации.

Как только формируется пул политических лидеров – руководителей государства, они предпринимают попытки иерархизации отношений с сетями и в сетях. С этого момента сети теряют общее начало и снова децентрализуются. Начинается новый виток борьбы сетей и иерархий. Ключевую роль в этом играют константные сети (основанные по этническим, племенным, клановым и религиозным признакам). Попытки каждой новой власти сформировать новые гражданские сети (например, НКО, СМИ) и вытеснить константные сети, были временны и малоуспешны. Особенность афганского общества заключается в критически значимой роли константных сетей в установлении и смене политических порядков.

Игнорирование политическими силами роли, значения, интересов, социального капитала и ресурсов специфической сетевой децентрализованной структуры афганского общества или попытки её замены на другую модель являются большой ошибкой и одной из причин крушения каждого очередного политического порядка и сил, находящихся у власти в Афганистане в разные исторические периоды.

Приложение 1

- Коргунов В. Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – 581 с.
- Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014. – 216 с.
- Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2013. – 176 с.
- Слинкин М. Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978–1979 гг.). Симферополь: Симферопольский государственный университет, 1999. – 359 с.
- Акимбеков С. М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алма-Ата: КИСИ, 2003. – 163 с.
- Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М.: ИРИ РАН, 2016. – 544 с.
- Конаровский М. А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО-Университет, 2020. – 355 с.
- Босин Ю. В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Гуманитарий, 2002. – 232 с.
- Босин Ю. В. Этнический фактор во внутриафганском конфликте (исторический анализ) // Восток. 1999. № 5. С. 69–79.
- Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. М.: Мысль, 1958. – 173 с.
- Белокреницкий В. Я. Пуштуну и пуштунские племена Афганистана – численность и расселение // Афганистан.Ру, 2022. 13 января // URL: <https://afghanistan.ru/doc/147751.html>
- Пластун В. Пуштуну и их роль в политической жизни // Азия и Африка сегодня. 1995. № 10. С. 49–50.
- Лалетин Ю. П. Политсистема Афганистана как идеальный тип: воздействие племен. М.: МГИМО-Университет, 2008. – 105 с.

Ромодин В. А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (пуштунском) населении Афганистана // Страны и народы Востока. Вып. XV. Африка и Азия. М.: Наука, ГВРЛ, 1973. С. 169–172.

Катков И. Е. Социальные аспекты племенной организации пуштунов // Афганистан: История, экономика, культура. М.: Наука, 1989. С. 39–57.

Ханеев М. В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2010. – 25 с.

Приложение 2

Borgatti S. P., Mehra A., Brass D. J., Labianca G. Network analysis in the social sciences. Science. 2009. Vol. 323. № 5916 P. 892–895.

Castells M. The rise of the network society. Oxford: Blackwell publishers, 1996. – 656 p.

Holland P. W., Leinhardt S. A dynamic model for social networks. Journal of mathematical sociology. 1977. Vol. 5. № 1. P. 5–20.

Netelenbos B. Bringing back Max Weber into network governance research. Critical policy studies. 2020. Vol. 14. № 1. P. 67–85.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014. – 384 с.

Михайлова О. В. Политические сети: Проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Серия. 21. Управление (государство и общество). 2011. № 3. С. 44–58.

Подшибякина Т. А. Диффузионные политические сети: динамические аспекты сетевой теории и практики // Политическая наука. 2021. № 4. С. 117–134.

Сморгунов Л. В. Сетевая теория политики и управления // Современная политическая теория. Методология / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 233–261.

Приложение 3

Brandes U., Robins G., McCranie A., Wasserman S. What is network science? // Network Science. 2013. № 1. P. 1–15.

Lupeng Z., Chen W. How do innovation network structures affect knowledge sharing? A simulation analysis of complex networks. Complexity. 2021. Vol. 21.

Библиография • References

Абдул Латиф Педрам: Афганистан должен стать федеративным государством // Афганистан.Ру. 2017. 1 мая // URL: <https://afghanistan.ru/doc/109715.html>

[Abdul Latif Pedram: Afganistan dolzhen stat' federativnym gosudarstvom // Afghanistan.Ru. 2017. 1 maya // URL: <https://afghanistan.ru/doc/109715.html>]

Барсукова С. Ю. Традиции изучения сетевого обмена дарами, 2008 URL: <http://www.mirrossii.ru/db/msg/182574.html>

[Barsukova S. YU. Tradicii izucheniya setevogo obmena darami, 2008 URL: <http://www.mirrossii.ru/db/msg/182574.html>]

История Афганистана / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. – 368 с.

- [Istoriya Afganistana / otv. red. YU. V. Gankovskij. M.: Mysl', 1982. – 368 s.]
- Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.
- [Nazarchuk A. V. Setevoe obshchestvo i ego filosofskoe osmyslenie // Voprosy filosofii. 2008. № 7. S. 61–75]
- Недовольство местных командиров Талибан в Панджшере // URL: <https://afghanistan.ru/doc/147214.html>
- [Nedovol'stvo mestnyh komandirov Taliban v Pandzhshere // URL: <https://afghanistan.ru/doc/147214.html>]
- Нессар О. Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.). М.: ИВ РАН, 2017. – 140 с.
- [Nessar O. Politicheskoe razvitie Afganistana: ocenki i prognozy (2001–2014 gg.). M.: IV RAN, 2017. – 140 s.]
- Нессар О. Правительство национального единства в Афганистане // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 3. С. 145–154.
- [Nessar O. Pravitel'stvo nacional'nogo edinstva v Afganistane // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2018. № 3. S. 145–154]
- Нессар О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 379–383.
- [Nessar O. Etnoplemennoj faktor i politicheskij process v sovremennom Afganistane // Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke. 2015. № 9. S. 379–383]
- Олескин А. В. Сетевое общество и сетевые парадигмы в биосистемах. О сетевом социализме // URL: libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru
- [Oleskin A. V. Setevoe obshchestvo i setevye paradigmy v biosistemah. O setevom socializme // URL: libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru]
- Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом социуме. Научная монография и учебное пособие для лицеев, колледжей и университетов. М.: URSS, 2012. – 280 с.
- [Oleskin A. V. Setevye struktury v biosistemah i chelovecheskom sociume. Nauchnaya monografiya i uchebnoe posobie dlya liceev, kolledzhej i universitetov. M.: URSS, 2012. – 280 s.]
- Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом социуме. М.: URSS, 2012. – 301 с.
- [Oleskin A. V. Setevye struktury v biosistemah i chelovecheskom sociume. M.: URSS, 2012. – 301 s.]
- Олескин А. В. Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации // URL: <http://biopolitika.ru/publ/2-1-0-46>
- [Oleskin A. V. Setevye struktury i zadacha sohraneniya etnicheskoy i regional'noj identichnosti v usloviyah globalizacii // URL: <http://biopolitika.ru/publ/2-1-0-46>]
- Олескин А. В., Курдюмов В. С. Мегасети и сетевая идеология // URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202106/3fdd5e40bec1ddad07e7894185aea32e.pdf>
- [Oleskin A. V., Kurdyumov V. S. Megaseti i setevaya ideologiya // URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202106/3fdd5e40bec1ddad07e7894185aea32e.pdf>]
- Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/seti-i-hozyaystvennaya-zhizn/viewer>

- [Pauell U., Smit-Dor L. Seti i hozyajstvennaya zhizn' // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/seti-i-hozyaystvennaya-zhizn/viewer>]
- Подшибякина Т. А. Диффузионные политические сети: динамические аспекты сетевой теории и практики // Политическая наука. 2021. № 4. С. 117–134.
- [Podshibyakina T. A. Diffuzionnye politicheskie seti: dinamicheskie aspekty setевой теории i praktiki // Politicheskaya nauka. 2021. № 4. S. 117–134]
- Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 103–112.
- [Smorgunov L. V. Setевой podhod k politike i upravleniyu // Polis. 2001. № 3. S. 103–112]
- Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2014. – 320 с.
- [Smorgunov L. V., SHerstobitov A. S. Politicheskie seti: Teoriya i metody analiza. M.: Aspekt Press, 2014. – 320 s.]
- Detained Islamic Emirate Commander Brought to Kabul // ToloNews. 2022. 16 January // URL: <https://tolonews.com/afghanistan-176332>
- Since the Taliban takeover, 40% of Afghan media have closed, 80% of women journalists have lost their jobs // RSF. 2021. 20 December. 12 // URL: <https://rsf.org/en/news/taliban-takeover-40-afghan-media-have-closed-80-women-journalists-have-lost-their-jobs>
- <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10604.pdf>
- https://www.bbc.com/persian/afghanistan/2010/02/100208_k02-afg-acbar-aid-figures
- <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-55696044>
- libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru
- libre.life/cracy/net/oleskin/1/ru
- <https://www.rand.org/>

Статья поступила в редакцию 25 января 2022 г.